

Развитие социальной политики в России в 1990–2000-х гг.

И.А. ГРИГОРЬЕВА

В начале 1990-х годов российскому обществу представлялось, что пути социально-экономического развития России могут заметно трансформироваться. Научное сообщество вернулось к идее, что история не предопределена (как утверждал Герцен, «история стучится во все двери») и что советская социальная политика имеет многие возможные альтернативы. Это был классический спор об агентах/субъектах и структуре, спор, в сущности, о том, является ли история продуктом выбора индивидов или структурных сил. Эта дискуссия актуальна и по сей день, но уверенных в том, что Россия застряла в своей исторической колее, стало, пожалуй, больше. Однако критика основ социальной политики и попыток ее преобразования не может исходить из каких-то абстрактных соображений общего порядка, из примеривания того, что в Швеции или в США давно делают и там это хорошо получается. Критик должен быть, выражаясь словами Грамши или Уолцера, «связанным» (connected), то есть быть участником данного общества. Учитывая самобытность российского общества, это тем более важно. Задачей данной статьи является анализ изменений социальной политики в России за последние 18–20 лет.

Ключевые слова: социальная политика, социальное и экономическое развитие, качество жизни, подход А. Сена к развитию, занятость, забастовка, бедные/низшие слои населения

Изменение подходов к определению социальной политики

Напомним, что под социальной политикой подразумевается довольно расплывчатый набор практических мероприятий и теоретических подходов. Эта проблема отмечена еще первыми исследователями социальной политики. Так, русский мыслитель С.Н. Булгаков отмечал, что социальная политика представляет собой социальную науку в момент ее практического действия, поэтому она «есть нерв социальной науки, она владеет ключами от всех ее зданий», при этом она имеет собственный объект – «это действие на совокупности, на социальное тело» [Булгаков 1990, с. 207]. Практический характер социальной политики подчеркивал в своих работах П.А. Сорокин. Излагая свои взгляды на структуру социологии, он писал, что в ней должны быть сконцентрированы все способы и подходы к изучению общества. Поэтому социология должна включать четыре главных отдела: общее учение об обществе, социальную механику, социальную генетику

и социальную политику. Задачей социальной политики служит указание средств, пользуясь которыми можно и должно достигать цели улучшения общественной жизни и человека [Сорокин 1992, с. 29–30].

В современной литературе представлены разные точки зрения на социальную политику и ее объект, от самых широких, вытекающих из понимания политики как управления общественными делами, до сужающих ее до управления только так называемой «социальной сферой» или еще уже – до социальной защиты нуждающихся. Предлагается и менее широкое толкование, где в качестве объекта рассматривается система, включающая социальное обеспечение, здравоохранение, образование, науку и культуру, а также инфраструктуру этих отраслей. Профессор Т.Ю. Сидорина рассматривает социальную политику и как стратегию деятельности государства, и как область научных исследований, и как учебную программу. Ее монография – наиболее полное за анализируемый период исследование, в котором показано, как оформлялась проблематика социальной политики от утопического социализма к более рациональным подходам в течение двух веков [Сидорина 2005].

Связка «стратегия деятельности государства – область научных исследований» представляется нам весьма плодотворной, особенно в уникальных российских условиях. Социальная политика как область теоретического знания носит, скорее, идеографический, чем номотетический характер, и, спускаясь вниз к ее направлениям и микроуровню, можно обнаружить множество типичных, но типичных для данного социума ситуаций и объяснительных схем. Однако, занимаясь анализом социальной политики, мы видим полное пренебрежение именно спецификой, эту «несвязанность» у власти, принимающей масштабные социально-политические решения. За последние двадцать лет мы «примеряли» и шведскую социалистическую модель, и либеральную американскую, а когда убедились, что либерализация и монетарные подходы к социальной политике ведут в тупик, вспомнили об общих корнях немецкой и советской социал-демократии [Социальное рыночное 2006]. Однако и здесь не слишком продвинулись.

С нашей точки зрения, одной из важнейших причин теоретической «неустойчивости» социальной политики является общий кризис позитивистского подхода в социальных науках, последовавший за обнаружением сложной природы тех явлений, которыми уже не социальная политика, а политики и правительства пытаются управлять или, менее жестко, развитие которых пытаются регулировать. Попытки задавать направление изменений такой сложной системы как общество, где постоянно действуют разнонаправленные, противоречивые и конфликтующие интересы, должны приводить к пониманию того, что проследить взаимодействие и взаимовлияние различных воздействий друг на друга почти невозможно, определить, какие управленческие действия были эффективными и результативными, какие – нет, также непросто. Выходом из теоретического упрощенчества кажется модель «Порядка из Хаоса», предложенная И.Р. Пригожиным [Пригожин, Стенгерс 2000]. Из нее следует, что общий Порядок обусловлен воспроизводящейся способностью к самоорганизации на локальном уровне. Но в России процессы самоорганизации населения много раз пресекались государством, и общество привыкло ориентироваться на «указания сверху», а в последние десятилетия и Россия в целом, и отдельные группы/индивиды пребывают «в поисках своей идеи».

Анализ эффективности тех или иных управленческих решений очень часто труден по политическим мотивам, поскольку решения принимаются властью, навязывающей определенные интерпретации социальных изменений и подавляющей дискуссию, зачастую с помощью ОМОНа. Власть не взаимодействует с обществом, а воздействует на него. Свои интересы через сложившуюся сеть НГО/НКО формулируют разные группы населения, но барьеры доступа к широкому обсуждению неудач государства в социальной политике весьма высоки. Общество, как

правило, примиряется с теми решениями, которые удается успешно лоббировать. В России эти решения определены, как правило, субъективным выбором достаточно небольших и не всегда даже репрезентирующих чьи-либо интересы, кроме своих собственных, парламентских групп или групп в исполнительной власти, бизнесе, СМИ.

В то же время в России есть еще одна немаловажная проблема. Значительная часть населения вовсе не мыслит себя «гражданским обществом» и мало ценит соответствующие права и свободы. Приведем удачную, хотя уже и ставшую банальной формулировку: «Большая же часть населения не хотела никаких реформ и модернизаций. Точнее, народ хотел иметь вдоволь колбасы, японские телевизоры и немецкие авто, но отнюдь не был озабочен в своей массе тем, чтобы научиться производить такие же или даже лучше. Результат – налицо, благо, что пока приток нефтедолларов позволяет иметь это, правда, далеко не всем...» [Красильщиков 2008, с. 71]. Поэтому и основную проблему социальной политики народ видит не в необходимости социально-экономической модернизации, а только лучшем перераспределении. Распределительные механизмы действительно работают из рук вон плохо, никакая характеристика здесь не будет чрезмерной («прихватизация», конфискационная экономика и т.д.), но живучесть идеологии Шарикова является реальным тормозом развития России.

Автор в конце 1990-х гг. предлагала следующее определение: «социальная политика – это деятельность государства, бизнеса и общества (общественных институтов) по согласованию интересов различных социальных групп и социально-территориальных общностей в сфере производства, распределения и потребления, позволяющая согласовать интересы этих групп с интересами человека и долговременными целями общества» [Григорьева 1998, с. 16]. Однако вопрос заключается еще и в уважении интересов как государства, так и бизнеса и общества в оценке любых интересов с точки зрения саморазвития человека и перспективы развития страны, а не сиюминутного удовлетворения потребностей.

О роли бизнеса, как активного субъекта социальной политики, написано уже немало. Как проблему мы видим то, что быстрое развитие сырьевого бизнеса, принесшего огромные состояния собственникам и связанным с ними государственной властью, не обладает большим мультиплицирующим эффектом. Конечно, «нефтяные деньги» играют важную роль в процессах распределения. Но, во-первых, рента от использования природных ресурсов недостаточно используется для социально-экономического развития страны, а «проматывается» в результате сращивания власти и собственности. Во-вторых, добыча сырья не вовлекает в оплачиваемую занятость значительное число работоспособного населения, а это приоритетный для социальной политики эффект.

Развивающийся в последние годы в России автосборочный бизнес имеет ряд преимуществ: он интернациональный, глобализированный, более технологически высокий, но... Если автосборочные предприятия будут развиваться в соответствии с современными технологическими стандартами, на них будет занято малое количество работников вследствие автоматизации сборки. Кроме того, таким способом удовлетворится спрос населения на средства передвижения, но еще драматичнее встает известная российская проблема дорог. Поскольку дороги строятся и ремонтируются более низкими темпами, в результате «автомобильные пробки» стали повседневностью не только городов-миллионников, но и межгородского сообщения. Поэтому мультипликативный эффект автомобилестроения выглядит гораздо более проблематичным, чем возможный эффект строительства дорог и жилья вне больших городов, а автомобилей – не вместо, а в дополнение к ним. Тогда можно согласиться с уважаемым экономистом, который акцентирует значение автомобилестроения как приоритета социальной политики [Аганбегян 2010, с. 18–19.]. Но в данный момент кажется более приемлемой программа Г.А. Явлинского «Земля, дома, дороги»,

написанная в связи с политическими целями, но акцентирующая названные эффекты жилищного, дорожного и автомобильного строительства в связке.

Сам А.Г. Аганбегян также отмечает: «В России средняя обеспеченность жильем в расчете на душу населения составляет около 23 м² на одного жителя в сравнении с 40–60 м² в развитых европейских странах и 70 м² в США. При этом в России до 25% всего жилого фонда составляет жилье без туалета и воды в помещениях, а до 70% – без горячего водоснабжения. К тому же при оценке жилищной обеспеченности в России учитываются общежития. В расчете на душу населения Россия строит жилья меньше развитых стран мира, которые имеют жилищные условия – с учетом их комфортности – в 3–5 раз лучшие, чем Россия. Значительная часть развитых стран в расчете на душу населения строит от 0,6 до 1 м² жилья, а Россия в лучший год строила меньше 0,5 м²» [Аганбегян 2010, с. 16, 23].

Есть еще один немаловажный аспект проблемы: специалисты сегодня подчеркивают, что на фоне высокой скрытой безработицы в России ощущается дефицит квалифицированных работников. Работников, безусловно, можно и нужно доучивать и переучивать, поскольку данная проблема не может быть решена за счет миграции из стран СНГ, где уровень квалификации работников ниже, чем в России. Но когда для повышения инвестиционной активности и занятости индустриальных рабочих автосборочные заводы строят вокруг Санкт-Петербурга, некогда центра военно-промышленных высокотехнологических разработок, то оценить такие меры как перспективные для политики социального развития невозможно. Впрочем, уровень социальной политики в этой «региональной столице, испытывающей комплекс “недостойности”» [Лексин 2009, с. 23], неплохо сочетается с одной из известных программ прежнего губернатора, а именно «Фасады Петербурга». За фасадами не так заметны треть городских протекающих крыш (около 7 тыс. из 21 тыс. в городе), упадок транспортной инфраструктуры и т.п.

Еще раз подчеркнем, что современная социальная политика многосубъектна, противоречива и нуждается в рационализации взаимодействий государства, бизнеса и общества, в согласовании их интересов, с одной стороны, и ясном представлении о сложной социальной структуре современного общества, с другой. При этом никакая рационализация невозможна без ясного представления о желаемых целях и результатах планируемых краткосрочных действий или долгосрочных программ

Попытаемся разобраться с современными целями и результатами социальной политики, ее субъектами и согласованием их интересов, в том числе, интересов разных социальных групп, поскольку они в разной степени перестали быть только объектами социальной политики, но постепенно должны становиться ее партнерами и субъектами.

В последние годы установки и ожидания и специалистов, и населения разных стран по отношению к социальному государству меняются, хотя специалисты отмечают, что «все, кто интересуется сравнением установок по отношению к социальной политике/политике социального обеспечения (welfare policies), быстро осознают, что спрашивать о *välfråd* в Швеции и *welfare* в Соединенных Штатах означает задавать два совершенно разных вопроса. Шведские респонденты скажут вам то, что они думают о пенсиях, системе здравоохранения и системе социального страхования (*social security system*). Американские респонденты скажут, что они думают о проверке на нуждаемость для включения в программы, нацеленные на бедных, и в большинстве случаев придут к нечеткой картине матерей-одиночек из гетто или к какому-либо другому в высшей степени негативному образу» [Свалфорс 2003]. В России же ожидания населения, связанные с социальной ответственностью государства за социальное благополучие населения, остаются весьма широкими [Константинова 2012], но также четко не структурированы. Они включают и ответственность государства за рабочие места, за пенсию, социальные выплаты, жилье, образование, и обычно дополняются амбивалентным образом государства, от которого «не дожидаться заботы, но эту заботу оно обязано обеспечить каждому».

От «роста благосостояния» к «развитию человека» как цели социальной политики

Многие специалисты считают, что целью современной социальной политики является не столько рост благосостояния, сколько социальное развитие, рост образования, улучшение здоровья и степени участия людей в решении собственных проблем. Западные социологи не раз подчеркивали, что лишь становясь субъектом (агентом, актором и т.п.) процесса собственного развития, человек может получить от общества такую помощь, которая позволит обеспечить ему реальный социальный рост.

Но с рациональным целеполаганием в российской социальной политике давно проблемы, причем на разных уровнях. Исторически цели формулировались «от запроса внешней среды» или «для удовлетворения потребностей»: догнать и перегнать..., построить и выпустить больше..., повысить уровень... и т.д. Приходится согласиться с малоприятным диагнозом А.И. Пригожина: «...вокруг нас бессубъектные, обесцеленные системы и люди. Те, кто в ответ на вопрос об их целях, лишь перечисляют заданные потребности, от которых, конечно, никому не уйти, но которые потенциально кризисны: меняются привычные условия (причины их деятельности) и нечем им опереться в перспективе. «Не я веду дело, – добавляет информант Пригожина, – дело ведет меня» [Пригожин 2010, с. 114].

В очень близком смысле о неспособности выделения авторской, субъектной составляющей жизни высказывается Т.И. Заславская после изучения бизнесменов-слушателей программ МВА Академии народного хозяйства при Правительстве РФ: «Выше всего (наравне с семьей, любовью, детьми) они ценят *возможность управлять своей судьбой*. Между тем для большинства россиян эта ценность не существует, они к этому не стремятся и даже не задумываются о такой возможности. Но и обучавшиеся в АНХ слушатели не инновационны. – Сделал бизнесмен какой-то рискованный шаг – получилось. Он делает следующий шаг – получилось. Третий сделал – не получилось, значит, надо по-другому. И так все время... Если бизнесмены средней руки видят, что успеха на рынке можно добиться не путем инноваций, а лоббистскими и неформальными путями, это отбивает охоту к инновациям» [Заславская 2010, с. 9]. Это значит, что и успешные бизнесмены неспособны продвигать на рынок услуги или продукты, которые еще не обеспечены спросом. В этом смысле они могут быть вполне успешны, но ничего не давая для развития страны, для ее будущего.

Проблема целей и результатов социальной политики тесно связана с более общей социологической проблемой измерения последствий любых социальных вмешательств, в том числе реализуемой социальной политики и оценки ее результатов. Она сформулирована более 30 лет назад как проблема показателей социального развития (социальных индикаторов). Уже тогда стала очевидной необходимость разделения экономических и социальных показателей, так как зависимость между ними оказалась весьма сложной и неоднозначной. Тогда же сложилось мнение, что не всегда высокие экономические показатели влекут за собой соответствующий рост социальных показателей развития общества и каждого человека, т.е. экономический рост не всегда социально эффективен.

Напомним, что эффективным может быть только управление, ориентированное на конечный результат и опирающееся на меры, ранжированные по своим приоритетам. В плане выбора приоритетов социальное развитие коренным образом отличается, например, от экономического, уровень которого достаточно полно отражается одним показателем – размером валового внутреннего продукта (ВВП), измеренного по паритету покупательной способности (ППС) в расчете на душу населения. Поэтому нам необходимо более детально рассмотреть варианты целей

социальной политики, поскольку привычный «рост благосостояния», предлагаемый множеством авторов, это, по сути, тот же ВВП на душу населения. Кроме того, без справедливой распределительной политики, как уже убедилось российское общество, ВВП может вырасти во сколько угодно раз, особенно в монетарном измерении, но это мало скажется на благосостоянии тех групп населения, которые живут и работают далеко от «нефтяной трубы». Именно так и произошло, считает известный экономист, в период экономического подъема 2000-х гг. «Экономический подъем и рост заработной платы сосредоточился на экспортноориентированных отраслях и их обслуживании, а остальная часть экономики осталась в состоянии стагнации. Потеря стимулов к продвижению, постоянная бедность не оставляли низам шансов на благоприятную динамику» [Гонтмахер 2007, с. 147–148].

В 1990 г. организация «Программа развития ООН» (ПРООН) опубликовала свой первый доклад с оценкой экономического и социального прогресса стран мира, в котором было сформулировано понятие человеческого развития: «Развитие человека является процессом расширения спектра выбора. Наиболее важные элементы выбора – жить долгой и здоровой жизнью, получить образование и иметь достойный уровень жизни» [Программа развития ООН].

Если данные по средней ожидаемой продолжительности жизни и количеству лет образования можно сопоставлять хотя бы условно, то понимание того, что значит «достойный уровень жизни/благополучие/благосостояние» неоднозначно. Конечно, приходится пользоваться показателем «ВВП на душу населения», однако чисто количественное значение не слишком информативно. К нему добавляют обычно данные о децильном коэффициенте, т.е. уровне дифференциации доходов, и коэффициенте Джини, измеряющем уровень концентрации доходов. Получается, что значения ниже условных показателей чрезмерной дифференциации и концентрации также говорят об относительно достойном уровне жизни, поскольку в разных странах и регионах есть значительная специфика. Дополнительные элементы выбора включают в себя политическую свободу, гарантированные права человека и самоуважение. С 1991 г. организации ООН используют «Индекс развития человеческого потенциала» (ИРЧП), где все страны мира сопоставляются по условно суммированным в единый индекс уровню благосостояния, образования и здоровья.

С 1997 г. в Докладе о развитии человека представлены концепция депривации/бедности населения и показатель для ее измерения – индекс нищеты населения (ИНН). Если ИРЧП используется для измерения усредненных достижений в основных аспектах развития человека, то ИНН отражает недостатки в этих же аспектах, а достижения в развитии гендерного равенства измеряются с помощью Индекса развития с учетом гендерного фактора (ИРГФ). Сравнение различных показателей представлено в *таблице 1*.

При расчете рейтинга ИРЧП в 2010 г. методисты ООН учитывали все новые статистические показатели. Они скорректировали ИРЧП с учетом характера неравенства, ввели индекс гендерного неравенства и индекс многомерной бедности. Сейчас строка в рейтинге определяется с учетом не трех, а семи национальных параметров. Это привело к существенным изменениям привычных мест ряда стран, рассчитанных с помощью трех параметров [Доклад о развитии человеческого потенциала 2010].

В 2010 г. лидерами рейтинга были Норвегия, Австралия и Новая Зеландия. Десятку стран-победителей с очень высоким уровнем ИРЧП дополняют США, Ирландия, Лихтенштейн, Нидерланды, Канада, Швеция и Германия. Среднемировой Индекс РЧП в 2010 г. возрос до 0,68 с 0,57 в 1990 г., продолжая следовать повышательной тенденции с 1970 г., когда он составлял 0,48. Это увеличение отражает совокупный прирост почти на четверть индикаторов здоровья и образования и удвоение дохода на душу населения [Программа развития ООН].

Таблица 1. Индексы, используемые в настоящее время ООН для межстрановых сравнений

Индекс	Продолжительность жизни	Уровень знаний	Участие или исключение
ИРЧП	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	1. уровень грамотности взрослого населения 2. совокупный показатель охвата детей школьным обучением	–
ИРГФ	Ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин при рождении	1. уровень грамотности составляющих взрослое население женщин и мужчин 2. совокупный показатель охвата мальчиков и девочек школьным обучением	–
ИНН-1 для развивающихся стран	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении не достигает 40 лет	Уровень неграмотности взрослого населения	–
ИНН-2 для промышленно-развитых стран	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении не достигает 60 лет	Уровень функциональной неграмотности взрослого населения	Уровень застойной безработицы (12 месяцев и более)

Очень важный с современных позиций список «гендерно-равноправных» стран возглавляют Нидерланды, Дания, Германия, Швейцария и Норвегия, место России в нем пока не определено. А лидерами по росту ИРЧП, не связанному с ростом доходов, в 2010 г. оказались, в порядке убывания: Оман, Китай, Непал, Индонезия, Саудовская Аравия, Лаос, Тунис, Южная Корея, Алжир, Марокко. Однако некоторые страны входят в список лидеров и по росту доходов: Китай, Южная Корея или Индонезия, Россия в подобных списках также отсутствует.

В 2011 г. доклад о рейтинге ИРЧП был назван «Устойчивость и справедливость. Лучшее будущее для всех» [Sustainability and Equity 2011]. Первыми остались Норвегия и Австралия, а на место Новой Зеландии переместились Нидерланды. Впрочем, Новая Зеландия «опустилась» на пятое место. Мы следим за динамикой значений ИРЧП уже много лет и отметим, что сложившийся «клуб первых двадцати стран» или, по-другому, «золотой миллиард», остается почти неизменным с 1991 г. Внутри списка страны меняются местами, и появляются новые – Южная Корея и Гонконг. Это говорит как об инерционности социального развития, так и характере использования ресурсов общества и перераспределительных процессов. Из постсоциалистических стран далеко впереди в 2011 г. оказались Словакия – 21 место (потеснила Финляндию) и Чехия – 27 место, а Тунису «жасминовая революция» стоила очень дорого, страна переместилась с 40 на 94 место.

В рейтинге традиционно рассчитанного ИРЧП Россия в последние годы занимает 58–60-е места – с индексом 79,5, а в 2011 г. опустились на 66 место (вблизи Панамы, Ливии, Македонии, Белоруссии). Из социальных показателей выше всего мы находились по уровню образования. В 2010 г. по этому показателю мы занимали 37-е место в мире (в то время как в 1960-е гг. входили в первую пятерку самых образованных стран мира). Хуже всего в России обстоит дело со здоровьем населения. Ведь средняя ожидаемая продолжительность жизни – это обобщающий показатель, который, прежде всего, зависит от показателей смертности. Здесь Россия примерно на 100 месте [Доклад о развитии человеческого потенциала 2010].

Доступ к базовым социальным услугам при любой модели социальной политики в начале 1990-х гг. фактически гарантировал более высокий уровень ИРЧП

при сравнительно низком ВВП, что ясно показывает статистика постсоциалистических стран. Но использование ИРЧП за 20 лет показало, что рост уровня здоровья и образования не прямо связан с ростом доходов населения, т.е. благосостояния в узком смысле слова. Важным вопросом социальной политики сегодня является улучшение образования и здоровья для всех групп населения. В развитых странах хорошее образование и здоровье дают тот стартовый социальный капитал, который позволяет решить проблемы роста благосостояния. А когда одновременно снижаются и доходы, и доступность образования и здравоохранения, получается современная Россия, где рост ВВП идет быстрее восстановления здоровья и образования значительной части населения.

При этом государство, воодушевленное идеей сделать здравоохранение и образование менее затратными, пытается найти общий рецепт для огромной по степени разнообразия страны. Так, обреченными на неудачу оказались идеи укрупнения школ и больниц в провинциальной России, поскольку и школьные автобусы, и машины скорой помощи столкнулись с отсутствием дорог, по которым можно передвигаться в осенне-зимний период. Расчеты на то, что и образование, и медицинская помощь станут более качественными и разнообразными в больших школах и медицинских центрах, не оправдались из-за отдаленности этих центров от множества мелких населенных пунктов. Но цели общества и цели социальной политики сегодня должны быть связаны с развитием и качества, и доступности образования и здоровья для всех групп населения, это дает в перспективе наибольший прирост как общественного, так индивидуального развития.

Однако если взглянуть на целевые ориентиры двух заметных в пространстве обсуждаемой темы документов, а именно подготовленного Институтом современного развития (ИНСОР) документа «Образ желаемого завтра», ответа на правительственную Концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ, известную как «Программа-2020», мы увидим, что здоровье и его индикаторы в них вообще не обсуждаются. Дело не в том, что экономический кризис 2008–2009 гг. и последовавшее ожидание «новой волны кризиса» опять отодвинуло стратегические планы. Дело именно в целеполагании. В центре соответствующих разделов этих программ находятся расходы на здравоохранение, причем оценка необходимых расходов около 7% к ВВП, а расходятся они в том, как должно финансироваться здравоохранение. Удивляет, что либералы из ИНСОРа считают, что финансирование здравоохранения должно быть полностью бюджетным, а «государственники» из правительства напротив, мечтают о полностью страховой медицине. Ни слова не говорится о том, что здоровье зависит не только от системы здравоохранения, и что нужны определенные меры для улучшения экологической обстановки и понимания значения самосохранительного поведения самим населением; нужны также социальные, а не монетаристские индикаторы улучшения показателей здоровья [Россия XXI века 2010].

Последний «целеполагающий» документ, подготовленный уже в 2012 г., как утверждают СМИ, лично премьер-министром В.В. Путиным в качестве избирательной программы, также скуден идеями. Вместо удвоения ВВП в нем «... как одну из стратегических целей на ближайшее десятилетие мы ставим удвоение производительности труда в российской экономике». Почему именно удвоение, для чего и каким образом, не ясно. Нужно ли это, чтобы бульдозер, наконец, заменил труд десяти таджиков, перефразируя известного экономиста В.Л. Иноземцева, или для чего-то еще? О развитии человека сказано тоже: «Приоритетом государственной политики является ускоренное развитие отраслей, определяющих качество жизни людей, прежде всего образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, социального обеспечения» [Программа 2012]. Видимо, почти всем в стране уже давно понятно, что развитие отраслей и инфраструктуры – это не развитие человека, а развитие здравоохранения и улучшение здоровья населения – не одно и то же. Но, оказывается, это непонятно высшим государственным чинов-

никам. Все три документа, во всяком случае по отношению к населению, можно охарактеризовать как этакратическую утопию. Учитывая же уровень предложений власти, приходится отметить, что элитой в собственном смысле слова власть назвать трудно, а Россия – «медитократическое общество, где власть принадлежит людям со средними интеллектуальными возможностями, что не позволяет ей вести общество за собой» [Шкаратан 2008, с. 80].

Что же касается благополучия, т.е. достойного уровня жизни, то довольно многим людям нужны не только «домик с лужайкой», но интересная, творческая работа, возможность самореализации и прочие возможности личного роста. Значение образования и здоровья в достижении подобных «постматериалистических» ценностей оказывается выше, чем благосостояния, т.е. уровня жизни, поскольку именно высокая квалификация дает возможность для гибкой и дистанцированной занятости. К тому же длительная дискуссия о качестве жизни на фоне экологического алармизма последней четверти прошлого века привела к тому, чего долго добивались моралисты и борцы за социальную справедливость, – к пониманию того, что для счастья не нужно быть очень богатым: «Многие европейцы уже ответили на подобный вопрос для себя: лучше иметь среднедушевой доход на 20–25% ниже, но более равномерно распределенный, а также шестинедельный отпуск вместо трехнедельного, не участвуя при этом в «крысиных гонках» за призрачным счастьем от обладания все новыми и новыми вещами, и сохраняя при этом свое здоровье» [Красильщиков 2008, с. 72]¹.

Близкое понимание целей развития предлагает широко дискутируемый подход (*capability approach*) А. Сена [Сен 2004]. *Capabilities* не являются тем же самым, что *abilities* (возможности не равны способностям). Этот термин относится не только к тому, что люди способны делать, но к их свободе вести образ жизни, который они ценят, считают важным и имеют на это свои основания. Сен представляет жизнь индивида как «его фактическую способность осуществлять те или иные формы функционирования, значимые для данного индивида». Доступность всех ресурсов для максимально полного осуществления индивидом значимых для него функций является, по Сену, подлинной свободой в отличие от либералистской трактовки свободы как легального разрешения определенной деятельности.

Довольно последовательная сторонница А. Сена американский социолог М. Нуссбаум подчеркивает другие характеристики подхода А. Сена. Так, человеческое общество в социологии традиционно понимается как ассоциация взаимозависимых индивидов. Но в позднем модерне даже зависимость и взаимозависимость становятся проблематичными, и солидарность все же необязательно враждебна свободе, так как условия жизни в рамках семьи, сообщества или общества в целом обладают такой же ценностью, как и свобода индивида кем-то быть и как-то действовать. Поэтому М. Нуссбаум в список основных возможностей индивида включила понятие «присоединения/потребности в участии со стороны окружающих», которое относится к «способности индивида жить с другими и стремиться к ним» [Nussbaum 2009].

Если в англо-американской традиции в центре современного социополитического дискурса оказалась свобода «по А. Сену», то Еврокомиссия, начиная с 2005 г., продвигает «социальное сплочение» как приоритет социальной политики и предложила уже массу разработок этого понятия, в том числе индикаторы для измерения и увеличения степени сплоченности [Комплексная разработка индикаторов социальной сплоченности 2006].

Конечно, современное российское общество заметно отстает с точки зрения принятия такой цели социальной политики как «развитие человека и улучшение качества жизни». Слишком велика социальная и территориальная дифференци-

¹ Фундаментальное исследование этих культурных сдвигов в разных странах можно найти у Р. Инглхарт [Инглхарт 2011].

ация, низки доходы у значительной части населения, чтобы такую цель можно было рассматривать, как реальную альтернативу простому росту уровня жизни. Но все же важно заявить об этих целях-ориентирах. Тем более что ст. 2 Конституции РФ утверждает: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью», а их защита есть обязанность государства.

Государство как выразитель общих интересов должно было бы, принимая во внимание интересы граждан и социальных групп, на базе общественного консенсуса проводить политику, направленную на «общее благо». Но само понимание общего интереса, в чем он выражается, в каких приоритетах, целях и ценностях, сегодня неочевидно. Так, результаты опросов «Независимого института социальных и национальных проблем» показывают, что россияне в большинстве своем на протяжении всех 1990-х гг. приоритетным направлением деятельности государства считали содействие развитию науки и наукоемких технологий [Россия на рубеже тысячелетий 2000]. Конечно, это можно объяснить устойчивым технократизмом недавней индустриальной эпохи и преобладанием традиционалистского сознания. При этом социокультурные аспекты модернизации, формирование новых институций даже не назывались. Во-вторых, благо народа как общности при всей спорности того, насколько она едина, как раз и требует для своего единения культурных символов как приоритета развития страны. Т.е. для объединения фрагментированного современного социума нам нужна не только экономическая или техническая модернизация, но и социокультурная, причем не в виде декоративно-православной реставрации. Но, по мнению населения, социокультурная модернизация не является приоритетом развития государства.

Согласование интересов относительно способов улучшения образования и здоровья необходимо, потому что в современном мире обострившегося социального неравенства доминируют монетаристские ценности, весьма сомнительные с точки зрения перспектив развития человека. Но согласование целеценностных и целерациональных интересов общества, также как сиюминутных и долгосрочных интересов общества и человека, является все же наименее рискованной стратегией развития.

«Человек труда» в социальной политике

На роль индивидов в социальной политике можно смотреть глазами О. Конта, К. Маркса и Э. Дюркгейма, а можно – глазами М. Вебера, строя рассуждения на понятиях человеческого действия, которое никогда не бывает полностью предопределенным. «В центре веберовского, или более современно, акционистского подхода – пристальное внимание к значениям, которые изменяют течение действий, предпринятых деятелями (актерами)» [Берто 1997, с. 19]. При этом социальные действия всегда являются взаимодействиями, что показывает родство Вебера, интеракционистов, Турена и Хабермаса. Активная взаимосвязь общества и человека схвачена Ч. Райтом Миллсом, который писал, что социальная наука должна изучать социальную структуру, историю и их взаимодействия в рамках индивидуальной биографии.

Несомненно, что любой человек в большей или меньшей степени является потенциальным субъектом-творцом как деятельный соучастник процессов, происходящих в обществе. Преобразуя социальную реальность на уровне элементов, человек видоизменяет свойства социальной среды, являясь инициатором различных вариантов развития общества как системы.

Современное общество – это массовое общество с высокой потенциальной социальной динамикой, которая, с одной стороны, ведет к фрагментации общества, с другой – делает открытыми многие социальные позиции, в том числе по-

зиции активных участников и субъектов процесса производства социокультурных продуктов и услуг. В реалиях современного общества многие позиции власти и влияния постепенно перемещаются из экономики товаров в сферу информационного и культурного производства, где роль индивида особенно очевидна. Но при всем изменении характера труда и занятости их роль все же велика и в потребительском обществе, и в обществе «четвертичной, т.е. креативной экономики».

Для понимания возможностей социальной политики важно учитывать как необходимость баланса прав и обязанностей граждан, семьи и работы для женщин и мужчин, так и увеличивающуюся скорость перемещений людей и групп в горизонтальном и вертикальном направлениях. Скорость движения, пишет З. Бауман [Бауман 2009, с. 163], стала главным фактором социальной стратификации и социального доминирования. С этим тезисом можно спорить с разных позиций как теоретических, так и практических, учитывающих специфику трансформации современных обществ. Но при том, что мир изменяется все быстрее, а последствия изменений предсказать все сложнее, в России сохраняются и реальное социальное неравенство, и большие социальные группы со сходным социально-экономическим положением. Вопрос заключается в их тщательном изучении, выделении признаков групп, их представленности в пространстве разных регионов, в свою очередь, весьма дифференцированных.

Уменьшение роли государства в современной социальной политике увеличивает требования к новой модели человека или новой субъективности. Освобождение как общества, так и человека от патронажа государства благосостояния и клиентальной зависимости от него, требует ответственности, способности управлять собой и расчета последствий своих действий на протяжении всего разумно и заблаговременно спланированного жизненного сценария. Увеличение требований к каждому человеку в том числе означает его ответственность за свое образование и квалификацию, их уровень и гибкость, обеспечивающие постоянную занятость на конкурентном рынке труда.

Проблематика «человека и его работы» была вынесена вперед в течение многих лет советского периода. Предположить, что будет делать этот человек, потеряв работу, как будет адаптироваться к ситуации длительного ее отсутствия, которое приведет к снижению доходов и социального статуса, никто не пытался. Сам факт существования безработицы, независимо от масштабов, вносит новые элементы в общественное сознание и делает жизнь иной. Однако реакция на новую ситуацию оказалась также неоднозначной. С одной стороны, количество самозанятых в России невелико, основную часть населения составляют «несамозанятые не-собственники» [Шкартан и колл. 2009]. С другой, произошло довольно сильное уменьшение занятости населения вообще: «среднесписочная численность работников средних и крупных предприятий уменьшилась более чем на 1/3 – с 59 млн в 1991 г. до 37 млн в 2007 г. (При этом более 5 млн рабочих мест было потеряно в 2000-е гг. в условиях бурного экономического роста!) В результате, если до начала рыночных реформ на их долю приходилось 80% всех занятых, то в настоящее время – чуть более 50%» [Уровень и образ жизни населения России 2011].

Но, по данным того же Доклада НИУ ВШЭ, «личное подсобное хозяйство в 2007 г. аккумулировало 19 млн чел., или почти 30% от всех занятых. Речь идет о гигантском анклавной экономике самообеспечения. В пик аграрного сезона там занято 35,5 млн чел. (примерно каждый третий взрослый житель России). Это почти в 5 раз (!) превышает численность занятых в формальном секторе российского сельского хозяйства. При этом в производство продукции для продажи на рынке вовлечено меньшинство занятых в ЛПХ (менее 20%), тогда как подавляющее их большинство (свыше 80%) производят ее не для продажи» [Уровень и образ жизни населения России 2011]. Однако последний тезис о «производстве не для продажи» все нуждается в дополнительном изучении.

Мы предположили, что эта группа может быть охарактеризована как «самозанятые значительную часть времени собственники земельных участков», которые не заинтересованы в информации о продаже своей продукции. Оценка объемов их хозяйственной деятельности довольно трудна, однако косвенно о ней говорит значительное число торгующих «с рук» на остановках пригородных электричек, у станций метро в крупных городах, на причалах рек, где есть туристические маршруты и т.п. Также косвенно об этом может давать представление снижение числа пенсионеров, обслуживаемых на дому в летнее время, как и числа «неформально занятых» среди других групп населения. Естественно, ни сами пенсионеры, ни Центры социального обслуживания населения не заинтересованы в точной информации об этом.

До сих пор около 90% формально занятых в России работает по найму, поэтому естественно, что проблемы занятости и уровня заработной платы с начала 1990-х гг. вышли на передний план повседневной жизни. Учитывая, что эта тематика тщательно проработана в российской социологии, но сама социально-экономическая ситуация быстро меняется, мы остановимся на двух аспектах новых трудовых отношений. Во-первых, это развитие социально-трудовых конфликтов (СТК) в постсоветской России. Во-вторых, формирование новой, но расширяющейся социальной группы – длительно безработных, которая лишь частично совпадает с группой малообеспеченных/бедных. Границы и признаки этих групп пока не слишком очевидны также как и социальная политика по отношению к ним.

Социально-трудовые конфликты в современной России

Социально-трудовые конфликты интересны тем, что в большинстве из них активной стороной являются бывший «гегемон социальной структуры» и бывший основной житель городских поселений – рабочий класс. В последние годы его численность неуклонно падает не только из-за спада промышленного производства и низких заработков, которые делают рабочую карьеру непривлекательной для молодежи, но что очень важно – из-за технологического роста возобновляемых производств. Изменения технологии дают основания думать, что процесс снижения численности рабочих продолжится. Но именно это, т.е. постоянно происходящие или планируемые сокращения, новые формы занятости и т.п., является одной из наиболее частых причин социально-трудовых конфликтов (СТК) в России.

Исследования СТК в СССР появились на волне шахтерского протеста конца 1980 – начала 1990-х гг. (тогда по социал-демократической традиции они назывались забастовками). СТК рассматривались, как правило, в рамках анализа разнообразных форм протестной активности, которых не было или которые были крайне редки в советское время.

Организованные выступления работников, если они сопровождаются ясно сформулированными требованиями и организованными переговорами, могут стать началом процесса значительных социально-экономических и даже политических перемен. Так, в Польше начала 1980-х гг. именно выступления, организованные профсоюзом «Солидарность» на гданьских верфях, стали одним из факторов, не только способствовавших в дальнейшем демонтажу социалистического режима в самой Польше, но отчасти повлиявших на развитие событий в Восточной Европе в целом. Забастовки шахтеров в Советском Союзе также явились одной из сил, подтолкнувших процесс дальнейшей демократизации, а затем и распада СССР.

Но в России ни наемные работники, ни их традиционные представители – профсоюзы – не были готовы к реалиям современной экономической системы, они не обладали соответствующим опытом деятельности: если на Западе профсоюзы

являются объединениями работников, то в России ситуация была и продолжает оставаться во многом иной. Монолитность профсоюзов, универсальность форм их организации и содержания деятельности давно исчезли и впору изучать конфликты между профсоюзами одной отрасли.

Пик активности ученых в изучении СТК пришелся на первую половину 1990-х гг., когда анализ рабочего, профсоюзного и забастовочного движения уделялось достаточно много внимания. В 2002 г. был принят новый Трудовой кодекс РФ, радикально ограничивший возможности проведения забастовок и роль профсоюзов в них. Существенные проблемы для реализации права на забастовку создает и установленный законом регламент, когда, по подсчетам экспертов, длительность всех обязательных предварительных процедур составляет не менее 42 дней. Это настолько затрудняет организацию и проведение забастовки, что делает законную забастовку почти невозможной, несмотря на то, что право на забастовку гарантируется Конституцией РФ (ст. 37 п. 4) и закрепляется в Трудовом Кодексе (ст. 409).

Поэтому в современных условиях наемные работники часто вынуждены протестовать за рамками предприятия (на митингах, демонстрациях и т.д.), а традиционные формы разрешения трудовых конфликтов внутри предприятия (в частности, забастовка) исключаются самими процедурами трудового законодательства и жесткой позицией руководства предприятия. Это и объясняет тот странный факт, что Росстат в 2008 г. зафиксировал всего 4 забастовки, а в 2009 г. – одну, а в 2010 г. – ни одной! Столь низкие цифры объясняются именно тем, что Росстат учитывает только законные забастовки, т.е. проходящие в рамках коллективных трудовых споров, соответствующих требованиям законодательства. Нельзя не согласиться, что «такой способ учета тоже показывает, что не только журналисты, но и государственные органы предпочитают не видеть проблему и, соответственно, не реагировать на возникающие ситуации» [Бизюков 2011]. Вместо поиска компромиссных решений и возможностей согласования интересов работодателя навязывают свою позицию работникам, используя возможности и имеющиеся у них ресурсы.

«Нормальный сценарий» СТК сегодня нарушен неравными позициями сторон в переговорах, а распространенные итоги протестов – не удовлетворение требований работников. Это говорит о том, что за десять лет, с начала 2000-х гг., ситуация изменилась мало и «реальное состояние договорных отношений на российских предприятиях не отвечает требованиям не только перехода к постиндустриальному укладу производства, но и его функционированию в условиях индустриального этапа. Они находятся на первом, раннекапиталистическом, этапе институционализации» [Бочаров 2001, с. 64].

Выстроенная в 2000-е гг. «вертикаль» власти носит закрытый характер, какие-либо выступления в защиту трудовых и не только трудовых прав замалчиваются, не разрешаются или подавляются. Довольно разнообразная информация о реальном положении дел в сфере СТК просачивается через интернет, но ее следует проверять, выяснять степень достоверности и т.д. В последние годы трудовые конфликты интересуют российских ученых меньше любых других: политических, этнических, внутрикорпоративных и т.п. Так, из 45 выступлений на секции конфликтологии Третьего Всероссийского социологического конгресса в 2008 г. (ВСКЗ) всего два были посвящены трудовым конфликтам [Шаленко, Юлбарисова 2008].

Рассматривая особенности ситуации, складывающейся в сфере СТК, следует иметь в виду ту качественную эволюцию, которую претерпели социально-трудовые отношения на протяжении последних десятилетий не только в России, но и во всем мире: «Каким бы важным и символическим ни было забастовочное движение, – поясняет И.М. Козина, – работы, написанные в XX веке, во многих отношениях являются выражением ушедшего времени. Развитие гибкого производства, рост временного труда и общее уменьшение трудовых гарантий – важная черта по-

следних лет. Под влиянием общих процессов в экономике видоизменяются социально-трудовые отношения, меняется характер конфликтов» [Козина 2009, с. 13–24].

Рост временного труда обычно описывается понятиями «заемный труд» или «аутсорсинг». Оно используется в разных толкованиях и в российских условиях является, как правило, синонимом неустойчивой занятости. Оно может включать:

- заключение срочных договоров, которые многократно продлеваются;
- передачу определенных функций в другую организацию и вывод работников за штат основного предприятия;
- использование «заемного» персонала, который формально работает для кадрового агентства или подобной структуры, а фактически его труд использует предприятие-пользователь.

Дополняет аутсорсинг еще более радикальное для постсоветского работника явление – аутстаффинг – вывод персонала от «основного» работодателя в кадровое агентство. «Заемный труд» является формой неустойчивой занятости, которая, по оценкам юристов, не вписывается в действующее трудовое законодательство. Тем не менее он стал активно использоваться для замещения постоянных рабочих мест и на некоторых предприятиях по масштабам применения сравним с численностью постоянного персонала или даже превосходит его [Ляпин, Нойхофферг, Шершуква, Бизюков 2007]. Естественно, что новые формы найма стали источником новых конфликтов при сохранении части старых. Постсоветские работники, как правило, ищут постоянную, стабильную, пусть даже невысокооплачиваемую занятость. Разные же формы временного найма оцениваются положительно, если сам работник решает, сколько времени ему нужно быть занятым, но именно этой возможности его и лишают.

В декабре 2011 г. в Подмоскowie состоялась Международная конференция «Профсоюзы за устойчивую занятость. Заемный труд – угроза стабильности России». Российские профсоюзы считают заемный труд худшей формой гибкой занятости: «Заемный работник не может осуществить свое право на членство в профсоюзе, право на свободу объединения, потому что трудовые отношения с ним могут быть прекращены в любой момент, – отмечает президент Конфедерации труда России Б.Е. Кравченко. – Это, как рассказали наши немецкие коллеги, поставило под угрозу стабильность очень многих рабочих мест в Германии, где заемный труд был легализован в 2003 г., и в других странах Европы. Заемные работники были первыми из числа трудящихся, кто попал под сокращение в период первой фазы экономического кризиса последних лет» [Заемный труд 2011]. Конференция поддержала внесенный на рассмотрение в Думу проект Закона РФ о полном запрете заемного труда.

Мнение работодателей, естественно, иное. В Российском союзе промышленников и предпринимателей накануне конференции было заявлено, что профсоюзы пытаются запретить то, чего нет, а надо наоборот вводить больше форм гибкой занятости. В связи с этим параллельно в конце 2011 г. на рассмотрение в Госдуму был внесен проект закона «Об аутстаффинге и заемном труде». В начале сентября 2012 г. глава думского комитета по труду, социальной защите и делам ветеранов Андрей Исаев заявил: «Мы бы хотели принять этот закон (о заемном труде) во втором и третьем чтении в осеннюю сессию в Госдуме. Сейчас готовятся поправки. Мы стараемся избежать ситуации, когда вместе с водой можно выплеснуть ребенка. Заемный труд, как система, однозначно должен быть запрещен в России. При этом различные способы привлечения волонтеров, сезонных работников, решение вопросов, связанных с иностранными специалистами, – эти вопросы должны быть отдельно оговорены» [Госдума РФ может принять закон 2012].

Сохранению конфликтного фона в отношениях между отечественными работниками и работодателями способствует обстоятельство. Во-первых, неготовность профсоюзов и самих работников к проявлению внутрикорпоративной солидарности в новых условиях найма. Особенно это касается таких проявлений устойчи-

вых форм принадлежности как членство в профсоюзе или получение социальных бонусов. Но в ситуации неустойчивой принадлежности было бы странно, если бы работники задумывались о конкурентоспособности и качестве выпускаемой продукции или эффективности своего труда.

Далее, более согласованным отношениям мешает отсутствие у наемных работников общеправового доверия к предпринимателям, уверенности в том, что при разрешении спорных вопросов они всегда будут действовать правовыми, а не силовыми методами. Это недоверие подкрепляется манифестациями некоторых олигархов, например, М.Д. Прохорова, который в конце 2010 г. предлагал пересмотр трудового законодательства (например, введение 60-часовой рабочей недели, облегчение процедуры увольнения работника и т.п.). В-третьих, сама незаинтересованность администрации в существовании на предприятии сильного, авторитетного и независимого профсоюза также поддерживает конфликтный фон трудовых отношений.

Еще более важным является отсутствие конкуренции на российском рынке и страхи властей из-за возможных выступлений рабочих. Это приводит к тому, что даже плохо работающие предприятия подолгу остаются на плаву, благодаря, например, административному ресурсу или уверенности, что самое страшное – увольнения и сокращения работников. Политическая стабильность практически всегда более приоритетна, чем экономическая эффективность. Управленцы используют устаревшие методы, предпочтение отдается жестким структурам, подразумевающим безоговорочное подчинение работников и несущественность любых форм «обратной связи», позитивных или негативных. Потери рабочего времени колоссальны, но из-за низкой заработной платы это никого особо не волнует. Из-за широкого использования труда мигрантов и заемных работников работодатели могут еще больше снижать зарплату и допускать еще большие потери рабочего времени.

Позиция же государства по поводу выполнения трехсторонних договоров о социальном партнерстве и СТК определена тем, что трипартизм в России до сих пор является неосвоенным «заморским» инструментом формирования трудовой и социальной политики. Правительство боится договариваться, так как оказалось в зависимости от собственников предприятий, поэтому практикует «ручное управление» и поддержку не бизнеса, а бизнесменов. Они как работодатели оказались привилегированным сословием, поскольку олицетворяют необходимые для развития экономики инвесторов и налогоплательщиков; а профсоюзы не предлагают ничего, что бы могло сделать социальное партнерство более паритетным.

Но и роль российского бизнеса в развитии и модернизации российской экономики и страны в целом, вызывает ряд вопросов. В частности, по поводу того, насколько он российский, если зарегистрирован «на Каймановых островах» и платит там налоги, а финансовую поддержку из бюджета государства использует не для развития производства, а личного обогащения. Подробный и аргументированный характер слияния власти и собственности в современной России можно найти в работах ряда экономистов [*Иноземцев, Кричевский 2009*].

Однако согласованные действия бизнеса, коррумпированных чиновников и некоторых профсоюзных лидеров могут принимать и форму шантажа государства. Так, Н. Кричевский считает, что «яркий пример этого был продемонстрирован в ходе событий 2–4 июня 2009 г. в Пикалево Ленинградской области. В Пикалево В.В. Путин, являвшийся в то время премьер-министром, посчитал необходимым лично, при помощи «ручного управления» и массированных финансовых вливаний, временно решить одну из многочисленных проблем крупнейшего олигарха О.В. Дерипаски. Тем самым Путин не только имплицитно передал в руки олигархата инициативу в формировании новой социально-экономической парадигмы, но и указал другим крупнейшим собственникам самый эффективный способ «принуждения государства к помощи» – использование для решения своих проблем публичных акций и выступлений работников предприятий, нередко ведо-

мых профсоюзами, чьи интересы ситуативно совпадают с интересами собственников. Данный способ может использоваться повсеместно, олицетворяя наступление «постпикалевской политико-экономической реальности» [Кричевский 2009].

Однако это еще не вся история. Другой автор, социолог Б.И. Максимов, оценивал финал данной истории куда более оптимистично: «счастливый, буквально сказочный финал, торжество и воодушевление народа... Что же может добавить (или перетолковать) социолог к тому, что известно, где все определено (как говорилось), главные злодеи названы, получили трехмесячный срок на перевоспитание, недобросовестным бюрократам указано, народ, действительно, вовсе не «безмолвствует» и уже не «бунтует», а торжествует, получив в банкоматах законно заработанное» [Максимов 2010, с. 43]. Однако через полгода, заключает свою статью социолог, ситуация остается неурегулированной, и В.В. Путин снова заверил пикалевцев: «Контракт между всеми участниками процесса будет заключен в самое ближайшее время. После этого у всех работников предприятия этот камень с души свалится, и все отчетливо будут осознавать, что предприятие будет работать ритмично». И даже предложил инновацию – более глубокую переработку сырья, получаемого предприятием (апатитный концентрат). Сообщил также, что есть планы строительства других предприятий. А на вопрос жительницы, почему закрыли профучилище, инфекционное и родильное отделения в больнице, отделение Пенсионного фонда, не останавливаются поезда, хотя есть вокзал, ответил, что надо будет попросить губернатора доложить о планах обустройства социальной инфраструктуры, – того самого губернатора, которого жители Пикалево считали виновником свалившихся на них напастей [Максимов 2010, с. 52].

За следовавшие три года ситуация не оставалась неизменной. В Ленинградской области, в 30 км. от Пикалево, был построен Тихвинский вагоностроительный завод, на котором, как оказалось, некому работать, поскольку специалисты с давно закрытого предприятия «Трансмаш», филиала Кировского завода, уже нашли работу в Санкт-Петербурге. Однако именно пикалевцы работать в Тихвине отказались, хотя им предлагался бесплатный автобус на работу и домой, да и необходимых квалифицированных специалистов оказалось немного. Поэтому «тихвинское предприятие рассчитывает на приток кадров из других регионов, не только из Тольятти. Нужные специалисты есть и в Нижнем Новгороде, Набережных Челнах, Нижнем Тагиле, Новоалтайске, Брянске, Ярославле, Череповце, Ульяновске» [Языков 2010].

Следующим этапом развития Пикалево была разработка комплексного инвестиционного плана модернизации города и инвестиционного парка, куда рассчитывали привлечь 10–12 инвестпроектов, чтобы создать для жителей моногорода около 3 тысяч рабочих мест. Затем оказалось, что «инвестиционный парк в моногороде Пикалево Ленинградской области не строится из-за отсутствия инвестора, готового вложиться в этот инфраструктурный объект, сообщил замглавы департамента межбюджетных отношений Минфина РФ О.Г. Бежаев [Минфин объяснил 2011].

Не останавливаясь на замечаниях к разбалансированности таких планов регионального развития, приведем цитату из выступления заместителя министра регионального развития РФ Ю.В. Осинцева на радиостанции «Эхо Москвы» в январе 2012 г.: «Проблемы Пикалево решились с участием государства – это неправильно. Чтобы изменить экономику города, сегодня там готовится площадка, где будут построены теплицы по производству овощей. Причем на 50% они обеспечат Санкт-Петербург этой продукцией. Клееный брус, который они до этого не делали. И производство этанола из растений. То есть это будут совершенно другие производства, не связанные с технологическим циклом самого комбината» [Осинцев 2012].

Осенью 2012 г. выясняется, что есть пять инвестпроектов: тепличный комплекс, первый урожай в котором планируют снять в конце 2013 г.; строительство предприятия по производству домокомплектов на основе выпуска клееного бруса; в более далекой перспективе – рыбозавод и мусоросжигательное предприятие;

проект комплексной переработки нефелиновых шламов в объеме внереализационных отходов, инвестором этого проекта выступает ЗАО «БазэлЦемент-Пикалево».

В этом перечне немного утешает, что один из проектов, правда, самый удаленный по времени, все же будет финансировать О.В. Дерипаска. Другие решения, явно не постиндустриального характера, трудно оценить однозначно, хотя и овощи, и клееный брус пользуются спросом. Но это не «Промзона 2.0: новая жизнь индустриального прошлого», не то, что относится к креативному использованию индустриальных пространств [Янсен 2009] или росту квалификации работников, которые, однако, получили возможность жить там, откуда не хотели уезжать. Но ведет ли такая реструктуризация экономики (к тому же со значительным участием государства) к модернизации города и региона?

Зачем и кому необходимо реформирование пенсионной системы?

Отсутствие в современной России продуманных и понятных стратегий социально-экономического развития усугубляет представление о старении населения как угрожающем демографическом риске, хотя по большому числу параметров старение лишь переносит акценты со сложившихся областей общественного регулирования на новые.

Начиная с 1990 г. в России почти непрерывно идет процесс реформирования пенсионной системы. Задачей всех принятых нормативных актов было построить пенсионную систему на основе *страховых принципов*, т.е. расчета пенсии на основе реального трудового вклада, создать мотивацию к уплате страховых взносов, наладить контроль за правильным назначением пенсий. Первый этап разработок завершился в 2001 г. принятием трех Законов РФ, составивших ядро пенсионной реформы. Научные разработки того периода представлены в монографии под редакцией М.Э. Дмитриева и Д.Я. Травина [Пенсионная реформа 1998].

Основная идея реформы заключалась во введении 3-уровневой пенсии на основе индивидуального учета страховых пенсионных отчислений, закон о которых уже был принят в 1996 г., а сам учет внедрен к 2000 г. [Об индивидуальном 1996]. Необходимость в нем связана с тем, что никакая страховая система не может существовать без индивидуализированного учета накопленных на страховом счете взносов. Эта накопленная сумма необходима в момент достижения установленного законом возраста для расчета пенсии на основе ее деления на расчетное количество лет дожития (в настоящее время делится на 19 лет, т.е. 228 месяцев, что не соответствует статистике дожития мужчин). Для организации реального пенсионного страхования россиянам выдали карточки с указанием страхового номера индивидуального лицевого счета (СНИЛС). Советский стаж в новых условиях перестал быть достоверным источником данных, поскольку многие стали работать в нескольких местах, многие работали «без трудовой книжки», т.е. работодатель не платил за них отчисления, а многие потеряли работу или перестали работать.

Однако за прошедшие 10 лет в эту, хотя и не лишённую недостатков, но относительно стройную систему, много раз вносились принципиальные изменения, которые, к сожалению, не обсуждались в СМИ, оставались не понятными и не известными населению, в первую очередь, процедура расчета пенсий с принятым коэффициентом осовременивания заработка. Затем по запросу бизнес-лобби уменьшился размер отчислений, вместо социальных отчислений использовался Единый социальный налог (2004). После чего из-за предсказуемой «дыры» в бюджете Пенсионного фонда, т.е. снижении объема собираемых средств, произошел возврат к социальным отчислениям.

В 2008 г. было принято два решения, полностью опрокинувшие принятую систему. Базовый и страховой уровень были «слиты» в трудовую пенсию. По сути «социальная пенсия», которую получали люди, не имевшие необходимого трудо-

вого стажа и страховая пенсия, с помощью которой предполагалось когда-нибудь выйти на 40% возмещения утраченного заработка в соответствии с нормами МОТ, были «просуммированы» с огромными потерями для тех, кто имел подтвержденный через систему персонифицированного учета, стаж и высокие заработки. Это завершило процесс унификации размера начисляемых пенсий, которые стали практически недифференцированными, что, как нам кажется, крайне отрицательно сказалось на желании населения работать «по-белому».

Но нельзя не видеть большие группы населения, заинтересованные в таком порядке начисления пенсии. Это жители провинции, зачастую имеющие только сезонную занятость, работники убыточных предприятий или предприятий, где работодатель платит отчисления с минимальной зарплаты или вовсе не платит их и т.д. Заинтересованной здесь выступает и определенная часть женщин, поскольку и по уровню заработной платы, и по количеству отработанных лет они существенно уступают мужчинам, а формула расчета пенсий одинакова.

Далее, осенью 2011 г. последовал Закон РФ «О порядке финансирования выплат за счет средств пенсионных накоплений» от 30 ноября 2011 года N 360-ФЗ, который вызвал бурные дискуссии в СМИ [Решать буду 2011]. Возможность досрочных выплат показалась многим неоднозначной. «Это может стать большой проблемой, особенно учитывая, что у мужчин в России время жизни на пенсии уже выросло до 14,5 лет, а у женщин и вовсе превышает 19 лет», — говорит неназванный представитель ПФР. Однако менее чем через год в проекте Пенсионной реформы предлагается перейти на новую формулу расчета пенсий, где в знаменателе будет уже не 19 лет, а 21 год [Стратегия 2012]. Естественно, это уменьшит возможную пенсию.

Мы считаем, что все новации Стратегии направлены только к одной цели — уменьшению дефицита бюджета Пенсионного фонда и соответственно необходимости его дофинансирования из госбюджета. В Стратегии предложено платить «полную» пенсию имеющим подтвержденный стаж 40 лет, начиная с 2015 г. При этом полная пенсия возмещает всего 40% утраченного заработка. Совершенно очевидно, что сделать такой скачок в учете трудового вклада за оставшиеся два года невозможно. Данное предложение влечет за собой или сведение пенсий уходящим с 2015 г. и далее к минимуму, или значительное увеличение возраста выхода на пенсию.

После оживленной дискуссии в СМИ президент, в очередной раз сыграв роль «Отца нации», заявил, что достаточно 35 лет стажа, хотя в реальных российских условиях и этого много. Или нужно потратить много сил и времени, чтобы этого достичь, поскольку система персонифицированного учета пенсионных взносов за прошедшие годы пришла в упадок. Вице-премьер О. Голодец напомнила, что социальные отчисления поступают за 47 млн работающих, а людей трудоспособного возраста в России существенно больше. И если работодатели начнут платить еще за 15 млн, то дефицит Пенсионного фонда, может быть, совсем исчезнет. Вице-премьеру вторит известный специалист Л.Н. Овчарова, по ее подсчетам «24 млн человек — это люди, которые работают, но не участвуют в формировании пенсионных накоплений. ...надо честно признаться — центральной является не демографическая проблема, а то, что треть работающего населения в настоящее время не участвует в формировании пенсионных ресурсов. Если бы 24 млн работников (пусть даже при низкой заработной плате) участвовали бы в формировании пенсионной системы, то не было бы никаких проблем с дефицитом пенсионного фонда [Овчарова 2012]. Нам также кажется, что не формальные демографические соотношения, а именно вопрос уклонения части работодателей от пенсионных отчислений за работников сегодня является стратегически значимым.

Важный вопрос «сохраняем или отменяем накопительную пенсию» имеет не только финансовый смысл, это, скорее, символ доверия к государству, которое не должно менять правила раз в три года, особенно на фоне перспективы еще боль-

шего уравнивания трудовых пенсий. Механизмы добровольного пенсионного страхования в стране уже сложились, хотя не все ими пользуются.

Далее, есть два варианта развития пенсионной системы – в рамках социал-демократического подхода государство должно с большим уважением относиться к заработанным пенсионным правам. Например, можно снижать пенсионные отчисления работодателей за работающих после, допустим, 20 лет стажа, т.е. не обирать реально работающих в интересах аутсайдеров рынка труда. Возможно, данная мера увеличит заинтересованность в немолодых работниках. Другой, более либеральный вариант – обеспечивать универсальные права граждан, для чего существенно снизить пенсионные отчисления и объяснять, что для всех, достигших возраста 60 лет, пенсия будет равна прожиточному минимуму. А для получения большей пенсии есть НПФ, ПИФ и прочие инструменты накопления.

В любом случае пенсионные отношения должны стать, наконец, понятны населению, но маниакальное желание государства меньше тратить на пенсионеров выглядит странно, если в бюджете на 2013–2015 гг. траты на оборону практически в 10 раз больше трат на пенсионирование.

Много написано о том, что в России сегодня почти все формы предпринимательской деятельности нерентабельны при соблюдении формальных правил. Но и быть честным гражданином, соблюдающим контрактные трудовые и налоговые обязательства, становится просто невозможно, поскольку государство свои обязательства игнорирует.

На границах пространства труда и занятости или социальная политика люмпенизации населения

В начале 1990-х гг. одним из важнейших вопросов социальной политики был переход от универсальной, но минимальной поддержки государством всех групп населения к целевой, адресной помощи наиболее нуждающимся группам. Иначе говоря, встал вопрос, чем должны быть обусловлены социальные права и каков механизм их реализации. Тогда предполагалось, что трудоспособные граждане, работая, смогут повысить свой уровень благосостояния за счет занятости и роста оплаты труда, которые являются приоритетным способом получения любых социальных благ, в том числе в социальном государстве. О нетрудоспособных людях и группах населения, которые, как правило, имеют низкие доходы, должно позаботиться государство, используя механизм перераспределения и адресной помощи. К сожалению, до начала реформирования экономики в 1992 г. не сложилось представления о том, кого и на каком основании относить к наиболее нуждающимся группам населения. Отчасти это произошло именно потому, что индикаторы социальной диагностики положения населения были сведены к самым простым показателям размера текущих доходов. Поэтому резкое снижение уровня жизни населения в 1992–1993 гг. показало, что адекватных механизмов адресной помощи еще не создано. В то же самое время значения ИРЧП для России стали показывать значительное ухудшение положения населения не только по уровню доходов, но и по уровню здоровья и продолжительности жизни.

Государство планировало экономическую реформу, не учитывая, что ее фоном будет определенная, устойчиво сложившаяся, можно сказать, традиционная культура отношений государства (государственной власти как легитимного представителя всего народа) с населением. Эта традиционная культура была тесно связана с привычкой к заботе государства. По данным разных социологических опросов, мнение, что государство должно обеспечивать полное равенство всех граждан (имущественное, правовое, политическое), до сих пор разделяет до трети населе-

ния, в первую очередь, старших возрастов, хотя растет и число тех, кто считает, что государство должно обеспечивать всем определенный минимум, а остального все добиваются самостоятельно.

Такие предпочтения россиян – одна из причин того, что снижение уровня жизни населения рассматривалось не через призму восстановления или расширения возможностей эффективной занятости, а в гораздо большей степени – через доступ к получению социальной помощи через компенсацию снижения доходов. Следующей причиной было изменение идеологии, связанное с принятием Закона «О занятости населения», который легитимировал «право на труд» вместо «обязанности работать» и симметрично заменил различными видами помощи безработным существовавшее с 1936 г. административное наказание за тунеядство. Основной задачей политики занятости и в 1990-е гг., и по сей день стала поддержка доходов безработных через выплату пособий, оформление досрочных пенсий, доплат на иждивенцев и т. п. Для реализации политики эффективной занятости у государства не хватило ни организационных, ни рефлексивных ресурсов, что и привело к провалу по всем направлениям.

Нам кажется, что подобно тому, как определенная группа людей была «назначена» государством быть богатыми, подобным же образом (благодаря в том числе и «операции номинации») законодательство середины 1990-х гг. назначило быть бедными довольно широкие слои населения. Эта номинальная социальная группа, находящаяся в «трудной жизненной ситуации», в реальности чрезвычайно разнородна и никоим образом не есть «социальная целостность, характеризующая общностью условий существования, причинно взаимосвязанными сходными формами деятельности в разных сферах жизни, а также общими социальными нормами и ценностями, стилем жизни», что могло бы подтвердить ее устойчивость и в итоге – реальность в качестве социальной группы [Шкаратан, Ястребов 2008, с. 42–45]. Наш тезис вовсе не свидетельствует, что бедных в России нет, но если приоритетными признаками выделения группы являются доходы ниже прожиточного минимума и весьма размытая «трудная жизненная ситуация»², то перейти к обоснованным управленческим решениям здесь невозможно. Однако законодателя это ничуть не смущает...

Специалисты давно отмечают растяжимость границ различных групп получателей пособий. Так, уже довольно давно Т.М. Малева писала, что количество инвалидов, т.е. получателей пенсий по инвалидности, является «статистическим детективом, развитие которого связано с принимаемыми законами» [Малева 2001]. И позже, в связи с «монетизацией льгот»: «За последнее десятилетие численность инвалидов в стране удвоилась. Сейчас мы попали в мощный социальный импульс – социальная стратегия людей пенсионного и предпенсионного возрастов будет, видимо, заключаться в том, чтобы при малейших шансах оформить инвалидность и претендовать на получение федеральных льгот. Федеральный центр оставил финансирование льгот инвалидов всех степеней за собой, а в сложившейся ситуации федеральный бюджет дает больше гарантий, чем региональный» [Малева 2005]. Авторы цитированного выше Доклада НИУ ВШЭ также отмечают, что «российская регистрируемая безработица является в значительной мере рукотворным феноменом. Ее динамика всегда определялась не столько общей ситуацией на рынке труда, сколько организационными и финансовыми возможностями Государственной службы занятости (ГСЗ), отвечающей за поддержку безработных» [Уровень и образ жизни населения России 2011 с. 61].

Поэтому получатели социальных услуг и пособий в России – довольно разнородная группа (здесь можно встретить людей с высшим образованием или вовсе без него, работающих и безработных, одиноких матерей и членов многодетных

² В развитых европейских «социальных государствах» используется, как правило, набор из 3–4 измеряемых критериев-признаков для идентификации нуждающихся и назначения пособий.

семей и т.д.). Полевые исследователи отмечают, что их объединяет очень важное свойство: они обладают социальными компетенциями, способны оформить те или иные документы (отметим, оформление документов на получение помощи от государства – достаточно долгосрочная процедура, требующая определенных знаний и навыков). Также отмечено, что поиск респондентов через службы социальной защиты не является надежным способом выделения «чистого случая», однако получение «категории», «группы инвалидности» и их желательного следствия – каких-либо льгот – являются хорошим индикатором «социальной успешности» человека. Однако для общества данная ситуация влечет разрастание социальной эксклюзии, разрушение социального порядка и нормальных взаимодействий в обществе. Несомненно, «возможность развития общества со значительным слоем социально исключенных весьма сомнительна. Масса экономически неактивных людей, зависящих от социальной помощи, делает общество социально разобщенным» [Шкаратан 2012, с. 410].

Заключение

Сформированная на основе культурно-трудовых норм логика социальной политики диктует, что по мере роста общественного богатства социальная группа бедных должна становиться меньше. Поэтому средства социальной политики должны в первую очередь направляться на улучшение здоровья и образования населения, на технологически новые рабочие места. А средства, направляемые на социальную помощь бедным, особенно трудоспособным бедным, должны уменьшаться. В противном случае довольно скоро возникнет не только дефицит бюджета Пенсионного фонда РФ или дефицит средств на долгосрочные социальные программы, но и социальное развитие страны в целом окажется в тупике из-за полного отсутствия целей.

Ряд авторов на Западе и в России убеждены, что в настоящее время идет эрозия социального государства из-за активного доминирования идеологии неолитерализма в экономике и социальной политике. Жертвами этого процесса становятся не только бедные, но и «средний класс “достаточно хорошо обеспеченных” работников, которые обладают специальными знаниями и высокой квалификацией, значимость которых сегодня катастрофически падает. Это связано с тем, что операции с финансами и перепродажей собственности оказываются гораздо более выгодными для владельцев бизнеса, нежели реальное производство товаров и услуг» [Taylor 2010, р. 36]. «Эффект просачивания благосостояния» (*trickle-down effect*), который был обещан либералами, похоже не наблюдается. Новый мировой экономический и социальный порядок, который формируется в последние годы, похоже, будет весьма экономным в отношении тех, кто производит товары и услуги, а социальная политика так и не станет более социальной, чем была в последние двадцать лет.

Другую точку зрения на будущее предлагает В.Л. Иноземцев: в обществе будущего – «Обществе знаний» – пропасть между высокообразованными интеллектуальными верхами и малообразованными примитивными низами будет куда глубже, чем сегодняшняя пропасть между богатыми и бедными, полагает ученый. Иноземцев считает, что такое развитие событий неизбежно, и вопрос лишь в том, какое место разные народы сумеют занять в постиндустриальном «Обществе знаний» [Иноземцев 2007]. Однако перспективы России, где, по оценкам экспертов, коррупция вместе с недоплатой налогов едва ли не равны ВВП, а деньги на образование экономят, выглядят почти безнадежно.

Нежелание российского государства кардинально менять стратегию социальной политики в направлении развития человека и модернизации общества ведет к дальнейшей социальной деградации населения, к углублению «зависимости от

колеи» и социально-экономическому отставанию страны в целом. Возможно, выход в «переучреждении государства»?

Литература

- Аганбегян А.Г.* (2010) О приоритетах социальной политики // SPERO: Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. № 12.
- Бауман З.* (2009) Текущая современность. СПб.: Питер.
- Берто Д.* (1997) Полезность рассказов о жизни для реалистической и значимой социологии // Материалы международного семинара / под ред. В. Воронкова и Е. Здравомысловой. СПб.: ЦНСИ.
- Булгаков С.Н.* (1990) Философия хозяйства. М.: Наука.
- Госдума РФ может принять закон о заемном труде осенью, сообщил Исаев 04.09.2012 г. // <http://news.mail.ru/politics/10120148/>
- Гонтмахер Е.Ш.* (2007) Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х. // SPERO. № 7. Доклад о развитии человеческого потенциала за 2010 г. // http://www.un.org/ru/development/hdr/2010/hdr_2010_ch2.pdf
- «Заемный труд» – угроза стабильности России! Международная конференция ФНПП и КП // <http://www.fnpr.ru/n/241/6719.html>
- Инглхарт Р., Вельцель К.* (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство.
- Иноземцев В.Л.* (2007) Общество будущего: беспощадная диктатура интеллекта // <http://www.rosbalt.ru/main/2007/05/21/296729.html>
- Иноземцев В.Л., Кричевский Н.А.* (2009) Экономика здравого смысла. М.: Эксмо.
- Климова М.* (2011) Запретный прием // <http://polit.ru/article/2011/06/28/zabastovky/>
- Комплексная разработка индикаторов социальной сплоченности. Методологическое руководство (2006). Страсбург: Издательство Совета Европы.
- Константинова Л.* (2012) Перспективы модернизации социальной политики в России // Власть. № 3.
- Красильщиков В.А.* (2008). Возможна ли модернизация в России? (материалы «круглого стола») // Мир России. № 2.
- Кричевский Н.А.* (2009) Постпикалевская Россия: Новая политико-экономическая реальность. Доклад. М.: Центр исследований постиндустриального общества.
- Лексин В.Н.* (2009) Города власти: административные центры России // Мир России. № 1.
- Ляпин А., Нойхоффферг Г., Шеришуква Л., Бизюков П.* (2007) Неустойчивая занятость и ее последствия для работников. Экономическая экспертиза для работников. М.: ЦСТП.
- Максимов Б.И.* (2010) Явление России в Пикалево // Социологические исследования. № 4.
- Малева Т.М.* (2005) Монетизация льгот вызовет рост числа инвалидов и усиление региональных различий // <http://www.crj.ru/section/31/3/?article=2153>
- Малева Т.М.* (2010) Социальные факторы развития России. Интервью с академиком РАН, д.э.н. Т.И. Заславской // SPERO: Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. № 12.
- Малева Т.М., Васин С.А.* (2001) Инвалиды в России – узел старых и новых проблем // Pro et Contra. № 3.
- Минфин объяснил отсутствие инвестпарка в Пикалево // <http://spb.dkvartal.ru/news/minfin-obyasnil-otsutstvie-investparka-v-pikalevo-194588769>
- Об индивидуальном (персонифицированном) учете страховых пенсионных взносов в РФ. Федеральный закон 01 апреля 1996 г. № 27-ФЗ.
- Овчарова Л.Н.* (2012) Если бы каждый работник знал, как каждый официально заработанный рубль трансформируется в будущую пенсию, он был бы заинтересован в увеличении пенсионного капитала // http://www.pencioner.ru/news/detail/o_pensiyah1/liliya_ovcharova_problemy_krizisa_pensionnogo_obespecheniya/

- Осинцев Ю.В.* (2012) Могут ли исчезнуть моногорода // <http://www.echo.msk.ru/programs/dozor/847028-echo/#element-text>
- Пенсионная реформа в России: причины, содержание, перспективы» (1998) / Под общей редакцией М. Э. Дмитриева, Д.Я. Травина. СПб.: Норма.
- Пенсия. Решать буду сам. Открытая студия, 5 канал. 23.12.2012 // <http://www.5-tv.ru/programs/broadcast/506731/?pages=false>
- Пригожин А.И.* (2010) Цели и ценности. Новые методы работы с будущим М.: Издательство «Дело» АНХ.
- Пригожин И.Р., Стенгерс И.* (2000) Порядок из Хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС.
- Программа 2012-2018. Предвыборная Программа В.В. Путина // www.putin2012.ru
- Программа развития ООН // www.un.org
- Профсоюзы сегодня // <http://www.unionstoday.ru/about>
- Профсоюзы сегодня // <http://www.unionstoday.ru/news/russian/2011/12/20/15817>
- Россия на рубеже тысячелетий (2000). М.: РНИСиНП.
- Россия XXI века: образ желаемого завтра (2010). М.: Экон-Информ.
- Свалфорс С.* (2003) Институты, установки и политический выбор // Журнал социологии и социальной антропологии. № 4.
- Сен А.* (2004) Развитие как свобода. М.: Новое издательство.
- Сидорина Т.Ю.* (2005) Два века социальной политики. М.: РГГУ.
- Сорокин П.А.* (1992) Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат.
- Социальное рыночное хозяйство (2006): концепция, практический опыт и перспективы применения в России. Материалы Интернет-конференции с 20.02.2006 по 30.04.2006 // <http://www.ecsocman.hse.ru/iconf/16209586/index.html>
- Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации (2012) // «Российская газета». 01 октября 2012 г.
- Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах (2011): доклад на XII Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7.04.2011 г. / Г.В. Андрушак, А.Я. Бурдяк, В.Е. Гимпельсон и др. М.: НИУ ВШЭ.
- Шкаратан О.И.* (2008) Возможна ли модернизация в России? (материалы «круглого стола») // Мир России. № 2.
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А.* (2008) Российское неозтакратическое общество и его стратификация // СОЦИС. № 11.
- Шкаратан О.И.* и коллектив (2009) Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: М.: ЗАО ОЛМА Медиа Групп
- Шкаратан О.И.* (2012) Социология неравенства. Теория и реальность. М.: НИУ ВШЭ.
- Штомпка П.* (1995) Социология социальных изменений. Пер. с англ. М.: Открытое общество.
- Языков А.* (2010) Как переехать в Тихвин из Тольятти // Комсомольская правда. 24 февраля.
- Янсен Ф.* Промзона 2.0: новая жизнь индустриального прошлого // <http://www.lookatme.ru/flow/posts/design-radar/75251-promzona-2-0-novaya-zhizn-industrialnogo-proshlogo>
- Nussbaum M.* (2009) Non-relative Virtues: An Aristotelian Approach // The Quality of Life. Ed. by M. Nussbaum & A. Sen. Oxford.
- Sustainability and Equity: A Better Future for All // http://www.hdr.undp.org/en/media/HDR_2011_EN_Complete.pdf
- Taylor P.* (2010) The Careless State: Wealth and Welfare in Britain Today. London–New York: Bloomsbury Academic.